

Му Тань безвременно угас от болезни. Убитая горем наложница Чэн не вынесла разлуки с сыном и вскоре последовала за ним в могилу. Вместе с их смертью завершилось и расследование покушения: главного заговорщика казнили, с Кон Цинлянь сняли любые подозрения, а для отвода глаз схватили ещё нескольких нерадивых чиновников в качестве козлов отпущения. Кровавая буря, бушевавшая при дворе больше двух месяцев, улеглась так же внезапно, как и началась.

В Императорской школе вновь зазвучали утренние голоса учеников, нараспев читавших каноны. Принцы, томившиеся под домашним арестом или отсиживавшиеся в своих покоях под предлогом хвори, один за другим вернулись за парты. Жизнь, казалось, вошла в прежнюю колею, вернув классам былое оживление.

Вот только среди них больше не было простодушного и шумного Му Таня.

Весна сменялась весной. На ветвях набухали и лопались почки, листва увядала, цветы осыпались и распускались вновь. А та самая черепаха, отличавшаяся поистине мёртвой хваткой, умудрилась благополучно прожить во Дворце Биюань несколько лет.

Му Юаньюн не раз грозился сварить из неё наваристый суп, и Наставник-эльф 311 свято верил его словам, предвкушая сытный обед. Но шли годы, а черепаха всё так же невозмутимо плавала в пруду.

Му Юаньюну исполнилось четырнадцать. Он заметно вытянулся и возмужал, почти сравнившись ростом со взрослыми мужчинами. Черты его лица, некогда нежные и девичьи, постепенно обретали чёткие мужские грани. Юноша по-прежнему оставался на редкость красив, но теперь его едва ли кто-то мог принять за девуцу.

Из-за ломки голоса этот вечный задира, готовый прежде переругать любого встречного, вдруг затих. Он стал на редкость неразговорчив: теперь на любые вопросы лишь молча кивал, неохотно выдавливая из себя слова. Впрочем, с этим бесстрастным лицом он выглядел куда величественнее и больше походил на настоящего принца, чем в былые времена.

Стоял ясный день, в Императорской школе объявили свободные часы. Тёплые лучи послеполуденного солнца мягко лились сквозь бумажные рамы окон.

В комнате Кон Цзяцзы, склонившись над книгой, увлечённо читал. За прошедшие годы он тоже заметно вытянулся, а от прежней болезненной худобы не осталось и следа — фигура его округлилась и налилась силой. Он перевернул страницу, бережно коснувшись тонкой бумаги изящными, белыми пальцами. Не будь на нём простого одеяния евнуха, его запросто можно было бы принять за изнеженного молодого господина из знатного и богатого рода.

Внезапно в открытое окно с весёлым чириканьем впорхнул крошечный воробей. Сделав круг по

комнате, птица выронила из лапок туго свёрнутую записку прямо на стол.

Кон Цзяцзы отложил книгу и потянулся к посланию, но, почувствовав на себе чей-то взгляд, поднял голову. Му Юаньюн уже стоял рядом, сгорая от любопытства.

Улыбнувшись, Кон Цзяцзы не стал ничего скрывать и развернул бумажку прямо перед ним. На ней быстрым почерком было начертано всего несколько слов: «Император вознамерился последовать примеру предков. Девятого дня девятого месяца — Осенняя охота Мулань».

— Охота? Он с ума сошёл? — хрипло, ломающимся голосом выдавил Му Юаньюн, переглянувшись с Кон Цзяцзы. — Да эта Старая черепаха на лошади держаться не умеет! На кого он собрался охотиться?

— Коль скоро Его Величество покинет дворец, он непременно возьмёт с собой принцев, — спокойно заметил Кон Цзяцзы, привычно пропустив мимо ушей дерзость в адрес государя.

— Он пусть сходит с ума сколько угодно, а я в своём уме, — хмыкнул Му Юаньюн. — Никуда я не поеду. Да он меня и не позовёт.

Хотя с тех пор, как Кон Цинлянь вернула себе влияние, жизнь Му Юаньюна под её негласным покровительством стала куда спокойнее и приятнее. Император даже иногда достаивал его милостивым словом или устраивал небольшие проверки его познаниям. Однако эти двое, похоже, с рождения не переносили друг друга. Любой их короткий разговор неизменно заканчивался тем, что либо принц доводил государя до белого каления, либо государь заставлял своего тринадцатого сына брызгать слюной от злости.

И если Му Юаньюн принимался костерить живущую в пруду несчастную черепаху, это означало лишь одно: он только что вернулся от отца с испорченным настроением. Пожалуй, именно в этом и заключался секрет долголетия рептилии во Дворце Бюань: пусти её на суп, и принцу просто некому будет изливать свою досаду после очередной выволочки.

Сам император за глаза тоже не раз жаловался на непутёвого отпрыска, тяжело вздыхая: «И за какие грехи Небо послало мне Сяо Шисаня? Столь недотёпистый и упрямый... Скоро придёт пора даровать ему титул, неужто придётся сделать его каким-нибудь праздным князем без всяких обязанностей?»

К слову, У Си подле государя больше не было. Пару лет назад тот внезапно «занемог», и Его Величество милостиво отпустил верного слугу на покой. Что это была за болезнь и почему вместо лечения его спешно выпроводили за пределы Пурпурного запретного города — тут каждый мог додумывать в меру своей испорченности. Впрочем, император, ценя былые заслуги престарелого слуги, просто сохранил ему лицо и не стал устраивать прилюдного разоблачения, предпочтя мирно спровадить его с глаз долой.

Ныне же подле трона крутилось лицо весьма знакомое. Одному Небу было известно, какими

путями этот изворотливый человек сумел пробиться на самый верх, став личным приближённым императора и снискав его глубокое расположение. Этим пронырой оказался не кто иной, как подставной папаша Кон Цзяцзы. Похоже, в своё время он ничуть не преувеличивал, хвастаясь обширными связями во дворце. Именно благодаря столь высокому покровителю Кон Цзяцзы теперь получал самые свежие и достоверные сведения из первых уст.

Кон Цзяцзы перевернул записку и обнаружил на обратной стороне ещё одну приписку: «Сынок, как ты там поживаешь? Батюшка по тебе очень соскучился».

Он со вздохом взглянул на реалистичную механическую птицу, которая топталась на краю стола и преданно заглядывала ему в глаза, упорно отказываясь улетать без ответа. Кон Цзяцзы лишился дара речи. Сколько бы он ни пытался прояснить недоразумение за эти годы, этот «папаша» привязался к нему намертво, словно прикованный стальной цепью.

Порой Кон Цзяцзы искренне желал оборвать эту нелепую связь, но беда в том, что дела у шпиона шли в гору с пугающей скоростью. Начав с безвестного уборщика, подметавшего дорожки, он возвысился до ближайшего доверенного лица императора! Благодаря своему красноречию и изворотливости, он так полюбился правителю, что тот не расставался с ним ни на минуту.

Ну не ирония ли судьбы?

И всё же, получая очередную записку, сочащуюся притворной отцовской заботой, Кон Цзяцзы каждый раз чувствовал, как у него от досады сводит челюсть. Стоило ему занести руку над бумагой, как она тут же наострила уши и завертела головой, ловя каждое его движение. Она явно не собиралась возвращаться с пустыми лапками.

Набросав несколько слов: «Всё хорошо. Не стоит беспокоиться», он вложил записку обратно.

Наблюдая за тем, как птица взмывает в небо, Кон Цзяцзы понял, что читать дальше не сможет. Он поднялся из-за стола и вышел во двор, желая немного подышать свежим воздухом, но тут же наткнулся на Му Юаньюна.

Принц снова сидел на корточках перед прудом и увлечённо отчитывал несчастную рептилию:

— Слышишь меня, старая ты черепаха? Тебе что, заняться на старости лет нечем? Обязательно воду мутить? Только в государстве всё успокоилось, как ты опять за своё! Давай, чуди дальше, а мне потом разгребай твоё дерьмо!

Кон Цзяцзы лишь покачал головой.

Он отозвался в Системе чата:

"Черепашьего супа тебе не видать, а вот роскошный пир сегодня вечером я тебе гарантирую"

"Правда? — недоверчиво переспросил Наставник-эльф 311. — Не обманываешь?"

"Чистейшая правда"

Вечером, шагая вслед за Му Юаньюном к Дворцу Чистого спокойствия, Кон Цзяцзы выглядел так, словно его вели на плаху.

Стоило ему попытаться тайком выскользнуть из Дворца Биюань, как Му Юаньюн бесцеремонно вырос перед ним прямо на полпути, сияя самодовольной улыбкой:

— Так и знал, что ты сбежишь под покровом сумерек! Наврал всем, что иду на императорскую кухню за сладостями, а сам устроился здесь поджидать тебя. И ведь не прогадал — даже замёрзнуть не успел!

Кон Цзяцзы обречённо вздохнул и после долгой паузы произнёс:

— Ваше Высочество, если бы вы действительно захотели пойти со мной, неужели ваш покорный слуга посмел бы вас удерживать? Зачем устраивать эти прятки...

Му Юаньюн лишь фыркнул, презрительно прищурившись:

— Свежо предание, да верится с трудом.

Кон Цзяцзы промолчал. Некоторое время они молча мерили друг друга взглядами.

Наконец, отбросив лишние церемонии, он серьёзно произнёс:

— Вы ведь прекрасно знаете характер Кон Цинлянь. Что бы она ни задумала, во мне течёт кровь её покойного брата. Она никогда не лишит жизни единственного оставшегося наследника рода Кон.

— И поэтому она изо дня в день изводит тебя? — так же тихо, но с явным раздражением возразил Му Юаньюн. — Скажешь, нет? За последние годы ты хоть раз возвращался от неё без синяков и побоев?

— Она закаляет меня, — Кон Цзяцзы поднял взгляд, и в глубине его глаз блеснула холодная решимость. — Тот, кто носит фамилию Кон, не имеет права пасовать перед трудностями. Мне

нужно многому научиться, и как можно быстрее. Только так... только так я смогу уберечь вас.

<http://bllate.org/book/18226/1760882>